

Над их головами, вцепившись острыми когтями в край крыши, застыл орёл. Склонив голову набок, он не мигая следил за Яньчи.

Яньчи бросил короткий взгляд на плотно закрытую дверь комнаты и вместе с Сингэжилэ вышел со двора. Заметив, что они уходят, птица шумно взмахнула крыльями и последовала за ними. Юноша прижал большой палец к губам и издал резкий, пронзительный свист.

Хищник плавно спикировал вниз и уверенно опустился на руку Яньчи. Покорно приподняв лапу, орёл позволил снять привязанное к ней послание, запечатанное пчелиным воском.

Яньчи развернул бумагу, быстро пробежал её глазами и, достав огниво, сжёг письмо дотла.

Он легко вскинул руку — орёл сорвался с места и мгновенно растворился в небесной выси.

— Здесь не нужно называть меня «Вашим Высочеством», — вполголоса напомнил Яньчи Сингэжилэ.

Тот почтительно кивнул и спросил, стоит ли начинать заготовку припасов для зимовки в степях.

Яньчи на мгновение замаялся, невольно покосившись в сторону комнаты, где лежал Цзи Хуайчжэнь.

— Пока не спеши. Сначала нужно найти способ вывести его из города.

— Когда этот господин был без чувств, Дума осмотрела его, — Сингэжилэ нахмурился, в его голосе звучала тревога. — Рана от стрелы в плече не так страшна, но удары плетью задели внутренние органы. Ему жизненно необходим покой. Зима уже на пороге; если ты... если ты сейчас поведёшь его через горы в Чилэчуань, в случае сильных морозов он может просто не выжить. К тому же его лодыжки... — Он замолчал, подбирая слова. — Кажется, они были сломаны и раньше, причём грубо, силой. Кости срослись плохо, а теперь они сломаны вновь. Хоть ты и вправил их, долгой дороги он не выдержит, не говоря уже о том, чтобы скакать верхом по горным перевалам.

Яньчи замер, поражённый этими словами.

Лу Ши всегда был «золотой ветвью и нефритовым листом», баловнем судьбы. Его отец — Юйши дафу, человек, чьё слово имеет вес перед самим Государем и чей взгляд страшит чиновников. Кто мог осмелиться на такую жестокость?

Даже в те годы, когда власть его заклятого врага, Цзи Хуайчжэня, была безгранична, вряд ли бы он решился на подобное.

Юноша почувствовал, как в душе поднимается глухое смятение. Сам не осознавая, что делает, он вернулся к дому и толкнул дверь. Цзи Хуайчжэнь сидел на постели, не отрывая взгляда от входа; увидев Яньчи, он невольно подался вперёд.

— Куда ты уходил? — спросил он.

В его голосе промелькнула тень тревоги, которая тут же сменилась облегчением, стоило юноше переступить порог.

Эта невольная доверчивость, это почти детское ожидание заставили сердце Яньчи сжаться от необъяснимой досады.

Ему не хотелось ни говорить с этим человеком, ни оставаться с ним в одной комнате. Каждый раз, глядя в это лицо, он видел не «Лу Шии» из своих воспоминаний, а то бушующее пламя в монастыре Цинъюань. Тот пожар унёс жизни семнадцати невинных людей и дотла выжег те чувства, что Яньчи хранил в сердце долгие годы. От прежнего Лу Шии не осталось и следа.

Он уже не понимал, кто перед ним: тот, кого он любил, или тот, кого должен ненавидеть.

И всё же, вопреки воле, взгляд юноши скользнул к ногам Цзи Хуайчжэня. Желание заботиться о нём, защищать его было выжжено в самой его сути — такую привычку не изжить за один день. Именно эта мысль согревала его холодными ночами в степях: надежда увидеть Лу Шии ещё хоть раз.

— Сяо Янь?..

В глазах Яньчи на мгновение вспыхнула такая яростная ненависть, что Хуайчжэнь внутренне содрогнулся.

«Неужели Яньчи окончательно разочаровался в Лу Шии?»

Весь его план зависел от этого юноши, и меньше всего ему хотелось ненужных осложнений. К счастью, Яньчи быстро взял себя в руки, и его лицо снова приняло привычное выражение холодной отрешённости и горькой обиды.

Той ночью Яньчи устроил себе постель прямо на полу у кровати. Хуайчжэнь не питал иллюзий: тот сделал это не из заботы, а просто потому, что в доме Сингэжилэ не было лишних комнат. Будь у него выбор, он бы ни за что не остался с ним под одной крышей.

Хуайчжэнь не стал допытывать его расспросами. Сейчас главным было восстановить силы и как можно скорее добраться до Вэньяна, чтобы встретиться с Бай Сюэ.

За несколько дней Хуайчжэнь успел получше узнать семью Сингэжилэ.

Тот рассказал, что семнадцать лет назад вместе с женой Думой покинул степи. В Вэньяне они познакомились с матерью Яньчи, а пять лет назад перебрались в Фэньчжоу, где и обосновались. Теперь у них подрастали сын и дочь.

Когда Дума рожала старшую девочку, она едва не отправилась к праотцам, и только благодаря помощи матери Яньчи осталась жива.

В тот день, когда Яньчи вправлял Хуайчжэню кости и тот лишился чувств от боли, юноша понял, что не сможет бросить его одного со всеми этими ранами. У него не оставалось другого выхода, кроме как вернуться в город и разыскать Сингэжилэ.

Матери Яньчи давно не было в живых, но долг благодарности не был забыт. Семья Сингэжилэ, не раздумывая, приютила у себя принца и государственного преступника, несмотря на то, что весь город кишел стражниками.

Сингэжилэ сообщил, что число патрулей на улицах и у ворот только растёт. Стража обыскивает дом за домом, и скоро они доберутся и сюда.

Яньчи на мгновение задумался:

— У вас есть погреб?

Сингэжилэ кивнул. Ситуация была критической, так что Хуайчжэню не приходилось проверенничать: оставалось только ждать обыска, чтобы спрятаться в подземелье.

Пока хозяин готовил убежище, он велел младшему сыну отнести еду гостям. Последние дни их кормили лишь пресной кашей да варёной рыбой без капли соли. Хуайчжэнь чувствовал, как во рту становится тошно от этой безвкусной еды.

Стоило силам немного вернуться к нему, как он снова принялся за своё. Он спросил мальчишку, нельзя ли раздобыть чего-нибудь более съедобного.

Мальчик, не зная, кто такой этот гость, ничуть его не испугался. Уперев руки в бока, он бесцеремонно заявил:

— Старший братец каждое утро в реке рыбу для тебя ловит. Не хочешь — не ешь!

Хуайчжэнь невольно усмехнулся и взглянул на Яньчи.

Тот демонстративно отвернулся, делая вид, что ничего не слышит, и лишь потрепал мальчишку по голове:

— Он просто лентяй и баловень, не обращай внимания. Завтра приноси то же самое.

Мальчуган победно улыбнулся Хуайчжэню и убежал.

Тот даже не разозлился. Ещё минуту назад рыба казалась ему вонючей, но теперь он решил, что после ранений пресная еда — самое милое дело.

— Эй.

Он легонько ткнул Яньчи в бок, но тот даже не шелохнулся. Присев на край кровати, юноша принялся чистить клинок.

Эту саблю он подобрал во время побега из тюрьмы, и Хуайчжэнь видел, что оружие ему не подходит — слишком лёгкое. У Яньчи была недюжинная сила, а этот дешёвый клинок не позволял нанести удар в полную мощь.

— Как ты нашёл Лу Сяоцзя? — спросил Хуайчжэнь.

— Не я его искал, а он меня, — голос Яньчи звучал глухо, в нём больше не было того предвкушения. — У каждых ворот висит указ о твоём аресте, тебя сняли с должности посла. Лу Сяоцзя узнал, что тебя бросили в темницу, разыскал меня и сказал, что тебя нужно вытащить.

— Он пришёл к тебе? Откуда он знал, где ты?

Подозрительность была у Хуайчжэня в крови.

— Он высчитал.

— Высчитал?

— Именно так, — Яньчи кивнул, и его лицо приняло странное выражение. — Я спросил его: раз ты хотел его убить и вырезал его школу, зачем ему спасти тебя? Он ответил, что ваши судьбы переплелись. Если ты умрёшь, то и ему не жить. Вот он и пришёл.

Цзи Хуайчжэнь невольно поморщился. Теперь он понял, почему Лу Сяоцзя так пёкся о его безопасности, узнав время его рождения, и почему у того был такой вид, будто он хочет расшибить лоб о стену, прознав о пристрастиях «Лу Шии».

«Видимо, даос не может смириться с тем, что его жизнь зависит от „обрезанного рукава“, а гадание выдало нечто слишком личное — двое мужчин, связанные жизнью и смертью... Что это, если не общая судьба?»

Для Лу Сяоцзя этот порочный «Лу Шии» стал ходячей угрозой, за которой нужно приглядывать в оба глаза.

— Никакой связи у меня с ним нет, — возмутился Хуайчжэнь. — Это он ко мне привязался.

Яньчи бросил на него короткий взгляд и негромко обронил:

— Мне можешь не оправдываться.

Хуайчжэнь уже открыл рот, чтобы продолжить спор, но в комнату вбежала бледная Дума:

— Скорее, в погреб! Идут с обыском!

Ссоры были мгновенно забыты. Яньчи подхватил Хуайчжэня вместе с одеялом на руки, велел ему держать клинок и быстро последовал за хозяйкой к скрытому лазу.

Когда они спустились, Дума забросала вход несколькими охапками соломы для скота — небрежно, чтобы это не бросалось в глаза.

Погребом явно не пользовались вечно: всё было покрыто толстым слоем пыли, в воздухе висел затхлый запах сырости. И дело было не в капризах Хуайчжэня — от этой духоты у него, и без того страдавшего от кашля, нестерпимо запершило в горле.

Он едва сдержался, чтобы не закашляться, как вдруг снаружи послышались тяжёлые шаги и знакомый голос:

— Кто живёт в этом доме?

Это был Лже-Саньси!

Хуайчжэнь с трудом сглотнул, подавляя кашель, и прильнул к щели. Сомнений не было — это он!

Самозванец с лицом Саньси высокомерно расхаживал по двору, подозрительно оглядывая каждый угол. Его взгляд то и дело задерживался на груде соломы, закрывавшей вход в подземелье.

Рана на плече Хуайчжэня внезапно отозвалась резкой болью. Глядя на этого человека, он вспомнил всё унижение, перенесённое в темнице, и в душе поклялся изрубить его на тысячи кусков.

Яньчи почувствовал перемену в состоянии спутника. Он осторожно опустил его на землю, позволяя опереться на себя.

— Господин офицер, это комната моей старшей дочери, — ответила Дума.

Она не лгала: Дума и впрямь вызвала дочь домой под предлогом помощи в делах, связанных с отъездом. Мужчины обсуждали это без участия Хуайчжэня, так что подробностей он не знал.

Лже-Саньси достал свиток с портретом и спросил, не видела ли она этого человека.

Дума долго изучала рисунок, после чего со вздохом ответила:

— Господин, я простая женщина, из дому редко выхожу. Вам лучше расспросить моего мужа.

В этот момент щекотание в горле Хуайчжэня стало невыносимым. Он покраснел от напряжения; никогда ещё простая попытка не закашлять не казалась ему такой пыткой.

«Если бы подобное внесли в свод законов, это сломало бы даже самых прославленных героев»

Задыхаясь, он уткнулся лицом в грудь юноши и изо всех сил вцепился пальцами в его пояс, сжимая ткань одежды.

Яньчи почувствовал, как тот дрожит всем телом. Он крепче обхватил Хуайчжэня одной рукой, с тревогой заглядывая ему в лицо.

— ...Я... держись, — едва слышным шёпотом, одними губами выдохнул Хуайчжэнь ему в самое ухо.

Яньчи не отрывал взгляда от щели, следя за врагом, но близость Хуайчжэня и его горячее дыхание у самого уха заставили уши юноши вспыхнуть пунцовым цветом. Хуайчжэнь, заметив это, хотел было съязвить, но новый приступ кашля накатил с неодолимой силой. Сгорая от немоты, содрогаясь всем телом, он, не в силах больше терпеть, впился зубами в плечо Яньчи.

Глухой, едва слышный стон всё же вырвался сквозь стиснутые челюсти.

Во дворе Лже-Саньси резко остановился. Он повернул голову к соломе и медленно направился к лазу. Позади него Сингэжилэ и Дума обменялись быстрыми взглядами. Рука хозяина легла на рукоять охотничьего ножа, а Дума незаметно потянулась к тяжёлым вилам.

Яньчи осторожно отстранил Хуайчжэня, знаком велел ему оставаться сзади.

Его левая рука легла на ножны, а правая — на рукоять клинка. В полумраке погребка сталь бесшумно скользнула наружу.

Холодный блеск лезвия отразил ледяную, беспощадную решимость в глазах Яньчи.

<http://bllate.org/book/15318/1411592>